

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ИТОГИ ДВАДЦАТИ ЛЕТ РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО- ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ * (1937—1956)

В довоенные и частично в первые послевоенные годы центральной научной проблемой, стоявшей перед нашей экспедицией, как и перед другими крупными археологическими экспедициями, работавшими в других частях Средней Азии, была проблема общественного строя домусульманской Средней Азии¹. Эта проблема встала перед нами в середине 1930-х гг. в связи с задачей создания истории народов СССР, в частности — народов молодых республик Средней Азии. Эти народы создали высокие и своеобразные цивилизации, история которых, особенно в древний период, была в ничтожной мере освещена письменными источниками. Сам характер социально-экономического базиса этих цивилизаций в домусульманскую эпоху оставался неясным, и среди ученых было широко распространено представление о том, что в общественном строе среднеазиатских народов, начиная по крайней мере со времен ахеменидов, не произошло никаких существенных изменений. Накопленный нашими экспедициями обильный материал позволил к концу 1940-х гг. признать эту проблему решенной, что нашло свое отражение в ряде монографий и обобщающих трудов, опубликованных за последние годы в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении, а также в Москве и Ленинграде². Теперь можно считать установленным, что древняя история народов Средней Азии, как и других стран Запада и Востока, представляет собой длинный путь прогрессивного развития от первобытно-общинного строя к рабовладельческому и далее к феодальному, начинающему складываться в IV—V вв. н. э. и господствовавшему в Средней Азии до конца XIX в., а в некоторых ее частях — до Великой Октябрьской революции.

В послевоенные 1945—1950 гг. основным объектом наших исследований был величественный памятник поздней хорезмийской античности — мертвый город Топрак-кала, в первую очередь грандиозное здание дворца

* Принятые сокращения: ВДИ — Вестник древней истории; ИАН — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии; КСИИМК — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР; КСИЭ — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР; МИА — Материалы и исследования по археологии СССР; СА — Советская археология; СВ — Советское востоковедение; СЭ — Советская этнография; ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

¹ См. наши работы: «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования», М., 1948; «По следам древнехорезмийской цивилизации», М.—Л., 1948.

² «История Узбекской ССР», т. I, книга первая, Ташкент, 1950; второе изд. 1952 г. Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, т. I, М., 1952, и др.

шахов Хорезма III в. н. э. (рис. 2). Раскопки дворца в 1950 г. были в основном закончены³.

Раскопки этого величественного здания размером 80 × 80 м, с тремя массивными башнями, поднимающимися на 25 м над окружающей равниной, дали исключительно богатый материал для характеристики позднеантичной культуры Хорезма. Особо важное значение имеет открытие ряда залов, богато украшенных стенными росписями и великолепной глиняной скульптурой, несущей на себе явный отпечаток взаимовлияний с индо-

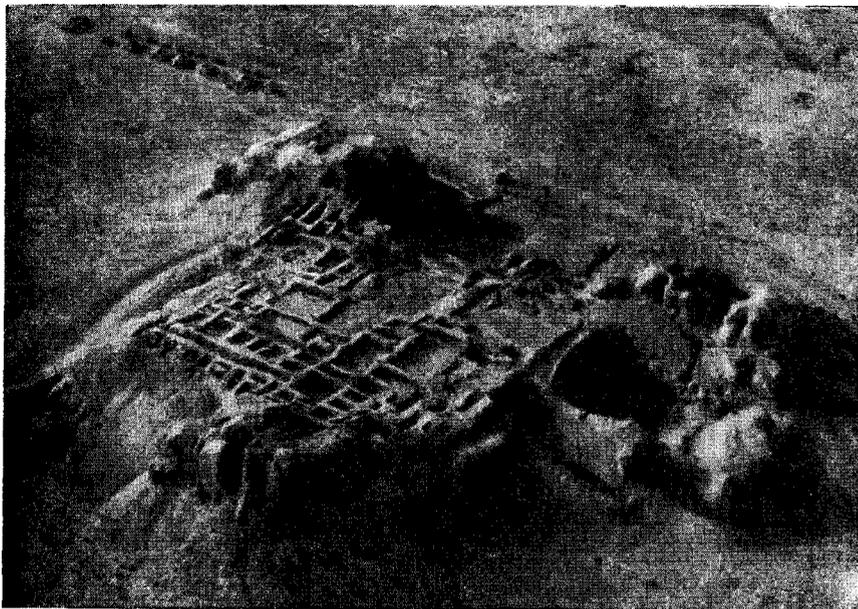

Рис. 2. Дворец Топрак-кала (аэрофото)

эллинистическим искусством: «зала царей», «зала побед», «зала темнокожих гвардейцев», «зала оленей», «зала танцующих масок», «зала с кругами», «комплекса гарема» и др., а также склада оружия — прекрасно сохранившихся луков и стрел, наконец, остатков дворцового архива — около ста, к сожалению, сильно фрагментированных документов на коже и на дереве (рис. 3), написанных четким почерком писцов-профессионалов алфавитом арамейского происхождения, близким к алфавиту авроманских пергаментов и документов на черепках из Нисы⁴. Большой интерес пред-

³ См. наши публикации в ИАН, 1946, № 1; 1947, № 2; 1948, № 2; 1949, № 3; 1950, № 6; ТХЭ, I, М., 1952, стр. 7—46; ТХЭ, II, М., 1957; СА, XVIII, М., 1953, стр. 306—313.

⁴ Предварительное чтение публикуемого текста документа:

R (1) BW/ZM' T/SRK (2) T/SRK (3) B/P(?)W/ZG(?) RD/(?)KY 'ZT/M (4) B/P(?)W/ZG(?) 'ZT/M (5)' (или разделительный знак) (6) D/KBRN' (7) M'MK (8) RWM'ZTK (9) D'DNSK (10) 'BRM/TZK — K (11) 'W(?)BNW(?)SM/TK (12) 'RT/SW — K (13) GZ/WRNK (14) M(?)W/Z(?)R/DR(?) — R/ZK V (15) M'MK (16) R'SR/DKW/ZK (17)' (или разделительный знак) (18) D/KBRN' ZK 'W/ZR/D — H/Q (19) RKM(?)W(?)W(?)'NK (20) MRSBK.

Текст, как и большинство таблиц на дереве, представляет собой перечень собственных имен лиц или населенных пунктов, завершающихся иранским именным суффиксом -k. Некоторые из них имеют ясную иранскую этимологию, например: (8) RWM'ZTK — средневековое хорезмское Румаждак — Ормузд; (12) 'RTMW.... — типично иранское имя, начинающееся на Арта...; (9) — Даданшак; (13) — Гурнак; (20) — Маршабак, и др.

На большинстве дощечек в начале текста повторяется первое слово строки 1, очень часто последнее слово строк 3 и 4 (которое встречается также и в конце последующих слов в ряде надписей на дощечках), строка 6 и первое и второе сло

свивают имеющиеся на некоторых документах на коже (см. рис. 3 б⁵) дггы, даваемые, видимо, в годах индийской «Эры Шака», по мнению большинства исследователей установленной кушанским царем Канишкой, к правлению которого, по нашим данным, относится и подчинение Хорезма среднеазиатско-индийской Кушанской империей⁶.

1951 год был переломным в работах нашей экспедиции, начатых, как известно, еще в 1937 г.

В 1950 г. завершился первый тур полевых работ на Топрак-кале. Прежде чем продолжать раскопки этого памятника, надо было завершить строки 18, причем последнее из них, несомненно, арамейская идеограмма ZK — указательное местоимение. Повторяется и конечный знак третьего слова 18 — Н или Q (последний знак может встречаться лишь в арамейских идеограммах, что в данном случае мало вероятно). Вся строка 18 в некоторых надписях также может повторяться, кроме третьего слова, в котором повторяется только упомянутый конечный знак. Видимо, эти повторяющиеся места являются вступительными и переходными формулами перечней.

Первое слово BZM' или BWM', возможно, в первом случае имеет основу BZ — «подать», «налог», во втором случае BWM — «земля», «страна» (может быть, «область»), что мне кажется более вероятным. Можно предположить, что и В не принадлежит к основе, а представляет собой предлог-идеограмму «в», «на», «по». В таком случае основа — ZM, возможно, с тем же значением «земля», «страна». И. М. Дьяконов предлагает читать второе слово первой строки и единственное второй HRK — «налог» (харидж); однако против этого говорит то, что это слово не повторяется ни в одном из других текстов. Я думаю, что здесь — собственное имя, как и в большинстве случаев. Последнее слово третьей и четвертой строк (очень часто повторяющееся в качестве второго слова в разных строках других надписей), если принять конечный знак за М, мне непонятно (если не видеть в начальном аэле префикс, а в ZM — тоже «земля», «страна»). Мне кажется, что не исключена возможность видеть здесь конечное Г (ср. конечное Т первого слова BSNT публикуемого текста на коже, рис. 3 б), и тогда это слово — хорошо нам известное «азат» — «свободный». Единственное слово шестой и первое восемнадцатой строки — либо арамейская идеограмма KBR — «старейшина», либо иранское debig — «писец», «чиновник», «должностное лицо». Не исключено также, что здесь мы имеем хорошо известное из согдийского RB (идеограмма) + именной суффикс -k — RBk «большой» «великий» — resp. также «старейшина», «начальник». И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, не возражая против чтения debig, считают вероятным видеть здесь также DWR — dvar в значении «двор». Однако второй знак — почти бесспорно В. N', стоящие в конце слова, я склонен считать возможным рассматривать как суффикс множественности, известный в средневековом хорезмийском, хотя и понимаю возможность серьезных возражений. В целом я склонен на данном этапе так (конечно, гипотетически) восстанавливать общую структуру надписи: Область (земля, страна) А; А, В свободный, С свободный; писцы (старейшины, вообще какие-либо должностные лица): D, E, F, G, H, I, J, K, L, M; писцы (старейшины) те (которые) N + суффикс H; O, P. Если эта попытка осмысления текста верна, то это список имен каких-то должностных лиц (или возглавляемых этими лицами населенных пунктов) какой-то территориальной единицы, возможно, связанных с трудовой повинностью общины, носящей имена лиц, повторяющиеся в первой и второй строке списка. Но столь же вероятно, что это податные списки, если основу первого слова читать BZ, а в DBRN' видеть образование от глагольной основы dabag — «давать», хорошо известной нам из согдийского. Правда, надо отметить, что в средневековом хорезмийском в этом значении мы имеем глагол hibr (осн. наст. вр.)

⁵ Публикуемый фрагмент документа на коже читается так: (1) BSNT IIC XX I (2) RS(?) NY BRZDT 'TN — (3) MN — ... (?) R(?) Z — ... (4) S X (?) — ... (5) — ... — — и может в сохранившейся части быть переведен: «(1) В год 231 (2) получил (?) ср. осетинск. райсын «получить», райсəн «получение» Бараздат (типично иранское имя, известное в этой форме и в форме Вараздат, особенно среди династических имен армянских аршакидов. Ср. F. Justi, *Iranisches Namensbuch*, Marburg, 1896, стр. 63, 348—349) (3) от — (4) — (5) —».

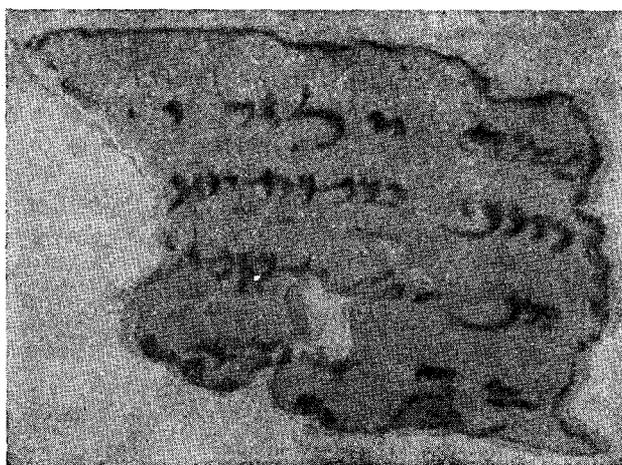
⁶ 3 датированных документа дают датировку между 207 и 231 годами, т. е., если принять наше отождествление эры документов с «эрой Шака», — между 285 и 309 гг. н. э. Если учесть, что по всей совокупности археологических и исторических данных мы в свое время пришли к выводу, что прекращение жизни дворца Топрак-кала падает на время правления основателя новой хорезмийской эры, Африга, начало правления которого, по Бируни, падает на 305 г. н. э., наше определение даты документов как «эры Шака» вряд ли может вызвать сомнение.

В этой связи мы не можем согласиться с пересмотром традиционного отождествления «эры Шака» и «эры Канишки», в последнее время предложенным Р. Гиршманом и Дж. Маршаллом, см. R. Ghirshman, Bégam. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans, Caire, 1946, стр. 99, сл.; е го же, Le problème de la chronologie des Kouchans, «Cahiers de l'histoire mondiale», т. III, № 3, Neuchâtel, passim; выводы — стр. 714—717; J. Marshall, *Taxila, I*, Cambridge, 1951, стр. 71, 85 и др.

a

b

в

Рис. 3. Документы, обнаруженные во дворце Топрак-кала:
а, б — на дощечке, в — на коже

научную обработку обильных добытых раскопками материалов и подготовку их к публикации. Однако годы камеральной работы над описанием фондов экспедиции по архитектуре, строительному искусству, разнообразным ремеслам, одежде, украшениям, оружию, монументальной скульп-

Рис. 4. Самолет над развалинами замка VII—VIII вв. Адамли-кала

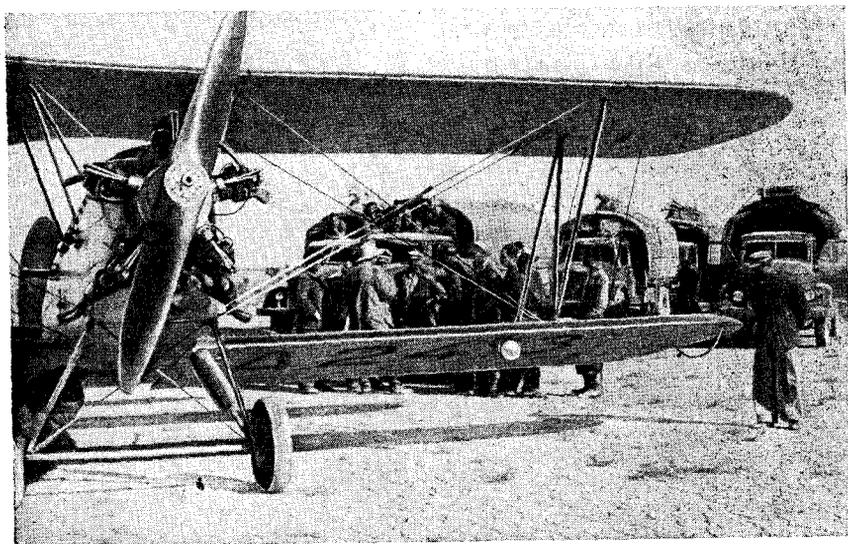

Рис. 5. Встреча самолетов и автомашин экспедиции в пустыне

ре и живописи, нумизматике и особенно памятникам древнехорезмийской письменности — не сопровождались перерывом полевых исследований: полевые работы были лишь перенесены на новые объекты. Надо отметить, что за годы раскопок Топрак-калы научные кадры экспедиции значительно увеличились, выросли новые молодые ученые, прошедшие в составе экспедиции путь от студентов-практикантов до самостоятельных

научных работников, руководителей раскопок крупных объектов. Достаточно упомянуть, что за годы работ экспедиции 11 ее научных сотрудников (из них 2 каракалпака, 1 узбек, 1 туркмен, 1 казах) защитили диссертации на ученую степень кандидата исторических наук, 3 сотрудника (в том числе 1 узбек, ныне член-корреспондент АН Узбекистана, Я. Г. Гулямов) защитили докторские диссертации. Благодаря росту кадров подготовленных научных сотрудников экспедиции мы получили возможность вести работы одновременно на многих памятниках.

Изменился характер технической оснащённости экспедиции. Верблюжий транспорт заменили автомашины. Вводится механизация земляных работ (ленточные транспортеры, приводимые в движение передвижными электростанциями, бульдозеры). Широко применяются авиаметоды — визуальная разведка памятников в пустыне, съёмка их с воздуха, аэрофотограмметрия, археологические авиадесанты на удаленные в глубь пустыни памятники (рис. 4 и 5).

Уже в 1952 г. работы осуществляли одновременно шесть раскопочных и три разведочных археологических отряда, археолого-топографический и этнографический отряды. Примерно такова же была структура экспедиции в последующие годы.

В последнее пятилетие центральное место в наших исследованиях заняла проблема истории древней ирригации Хорезма и неразрывно с ней связанная проблема истории древних течений Аму-Дарьи, как известно, в продолжение многих десятилетий являющаяся предметом ожесточенных дискуссий в геолого-географической и историко-востоковедческой литературе.

Наши работы осуществлялись комплексно, совместными усилиями археологов, этнографов и геоморфологов⁷, в результате чего мы сейчас можем восстановить как последний этап истории великой среднеазиатской реки, так и историю базирующегося на ней орошения. Важно отметить, что современная научная концепция истории Аму-Дарьи в основных чертах совпадает с той замечательной, хотя и схематической концепцией, которая была еще в XI в. сформулирована великим хорезмийским ученым-энциклопедистом Абу-Райханом ал-Бируни в его геодезическом трактате⁸. Реконструируемое Бируни первоначальное направление реки от района современного г. Чарджоу до Балханских гор совпадает с относящимся к верхнетретичной и раннечетвертичной Праамударье, деятельность которой привела к формированию Низменных Каракумов к северу от гор Копетдаг. Бируни правильно решил вопрос о причинах частых изменений течения великих рек пустыни, объяснив его заносом русел речными отложениями. Вытекая из гор, где они и их многочисленные притоки ведут интенсивную эрозионную деятельность, что приводит к большой насыщенности их вод твердыми наносами, они по выходе на равнину откладывают эти наносы и нагромождают вдоль своих русел валы, а в низовьях — выпуклые дельты, возвышающиеся над окружающими равнинами. Это приводит к тому, что река вскоре скатывается на соседние более низкие места и начинает прокладывать новое русло и формировать новую дельту, часто удаленную на большое расстояние от предыдущей. Вследствие этого Аму-Дарья в начале верхнечетвертичного периода резко изменила направление своего течения и потекла на север, в сторону Аральского моря.

Бируни описывает этот поворот и с поразительной пророчливостью намечает историю последовательного формирования трех позднейших направлений Аму-Дарьи, приведших к образованию трех крупных дельт, отложения которых сформировали тот огромный массив лёссовидных су-

⁷ Геоморфологический отряд Института географии АН СССР возглавлялся А. С. Кесь.

⁸ «Тахийд нихайят ал-амакин фи тасих масафат ал-масакин» (Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений). См. отрывок об Аму-Дарье в переводе С. Волина, ВДИ, 1941, № 1.

линков, на котором впоследствии расцвела ирригационная культура Хорезма: это — Акча-Дарьинская («русло Фахми» — «русло стоячих вод» Бируни), Присарыкамышская («Вади Маздубаст» Бируни) и современная Приаральская дельты.

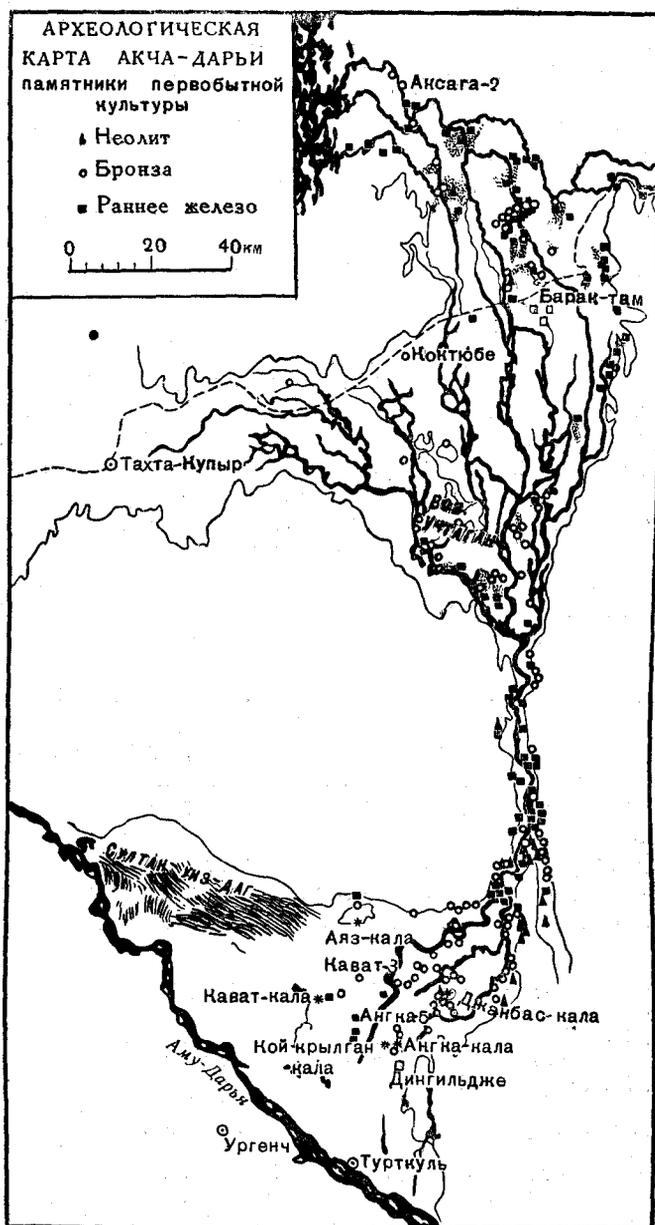

Рис. 6. Русло Акча-Дарьи (схематическая карта)

Акча-Дарья — самое древнее и самое восточное из этих северных направлений течения Аму-Дарьи⁹ (рис. 6) — имеет сложную историю, на

⁹ С. П. Толстов и А. С. Кесь, История первобытных поселений на протоках северных дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, «Вопросы географии. Сборник статей для I Международного географического конгресса», 1954, стр. 321—336; см. также П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, 1954 г., СВ, 1955, № 6, стр. 93—96.

которой мы, к сожалению, не можем здесь подробно остановиться. Отметим лишь, что первоначально она сформировала к югу от гор Султан-Уиздаг южную дельту, имевшую сток на северо-запад, в Хорезмское озеро, расположенное в районе Южнохорезмской низменности. Затем река прорвалась через Кызыл-кумы, в обход с востока гор Султан-Уиздаг, образовав здесь так называемый Акча-Дарьинский корридор и потом вновь распавшись на ряд протоков северной Акча-Дарьинской дельты, впадавших частью в северную часть Хорезмского озера, а частью — в юго-восточный угол Аральской впадины, положив начало формированию Аральского моря. К концу четвертичного, а может быть к началу современного геологического периода, относятся прорыв вод Аму-Дарьи на запад, в сторону Сарыкамышской впадины, ее заполнение и начало образования русла Узбой вдоль линии южного обрыва Устюрта. Однако это не привело к полному прекращению питания южных и северных протоков Акча-Дарьинской дельты. В неолитическую эпоху — в IV — III тысячелетиях до н. э. — берега Узбоя и Акча-Дарьинской дельты были густо заселены, что свидетельствует о длительном процессе затухания Акча-Дарьи. Область Акча-Дарьинской дельты и верхнего и среднего Узбоя является областью распространения открытой нами в 1939 г. так называемой кельтеминарской культуры неолита и раннего энеолита Хорезма¹⁰ (рис. 7), которая потом широко распространилась на север — в Западный Казахстан и в Приуралье, обнаруживая тесную связь с культурами лесной полосы Прикамья и Зауралья того же времени¹¹. Эта культура рыболовов и охотников наиболее богато представлена в уникальном памятнике — стоянке Джанбас 4, расположенной у подножья внутридельтовой возвышенности на окраине южной дельты Акча-Дарьи. Оказалось возможным полностью реконструировать сгоревшее и затем подвергшееся затоплению огромное яйцевидное в плане жилище кельтеминарцев — Джанбас 4 и составить представление об образе жизни и общественном быте обитавшей в этом большом доме (26 × 17 м) первобытной, по-видимому, матриархально-родовой общины кельтеминарцев. Большой интерес представляет открытие в 1951 г. резко отличной от кельтеминарской, но синхронной ей неолитической нижеузбойской культуры, характеризующейся более крупными и грубыми орудиями, среди которых надо отметить наконечники дротиков на треугольных пластинах, несколько напоминающие мустьерские остро-конечники. Керамика нижеузбойцев встречает аналогии в раннем Анау. Obsидиановая пластина, найденная в одной из стоянок, говорит о далеких юго-западных связях этой культуры. Впоследствии, в эпоху энеолита,

¹⁰ О кельтеминарских памятниках Хорезма см. С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма (Основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.), ВДИ, 1941, № 1, стр. 156; Е го же, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, стр. 55—56; Е го же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., — Л., 1948, стр. 65—74; Е го же, Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г., СА, XIX, 1954; Е го же, Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г., ВДИ, 1953, № 2, стр. 154—155; Е го же, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, № 3, стр. 192; Е го же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., СВ, 1955, № 6, стр. 96; А. В. Виноградов, Неолитические украшения из створок раковин *Didacna* (по материалам раскопок в Северной Туркмении), КСИИМК, 59, 1955; Е го же, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1; М. А. Итина, Работы Узбойского отряда в 1954 г., КСИЭ, XXVI, 1957; е е же, Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, ТХЭ, II, М., 1957.

¹¹ А. А. Формозов, Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане «Вестник Казахстанского филиала АН СССР», 1945, № 2; Е го же, Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане, То же, 1946, № 5; Е го же, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, XXV, 1949; Е го же, Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане, КСИИМК, XXXI, 1950; А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, ВДИ, 1946, № 3, стр. 183—186; В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, МИА, 35, 1953, стр. 30—31.

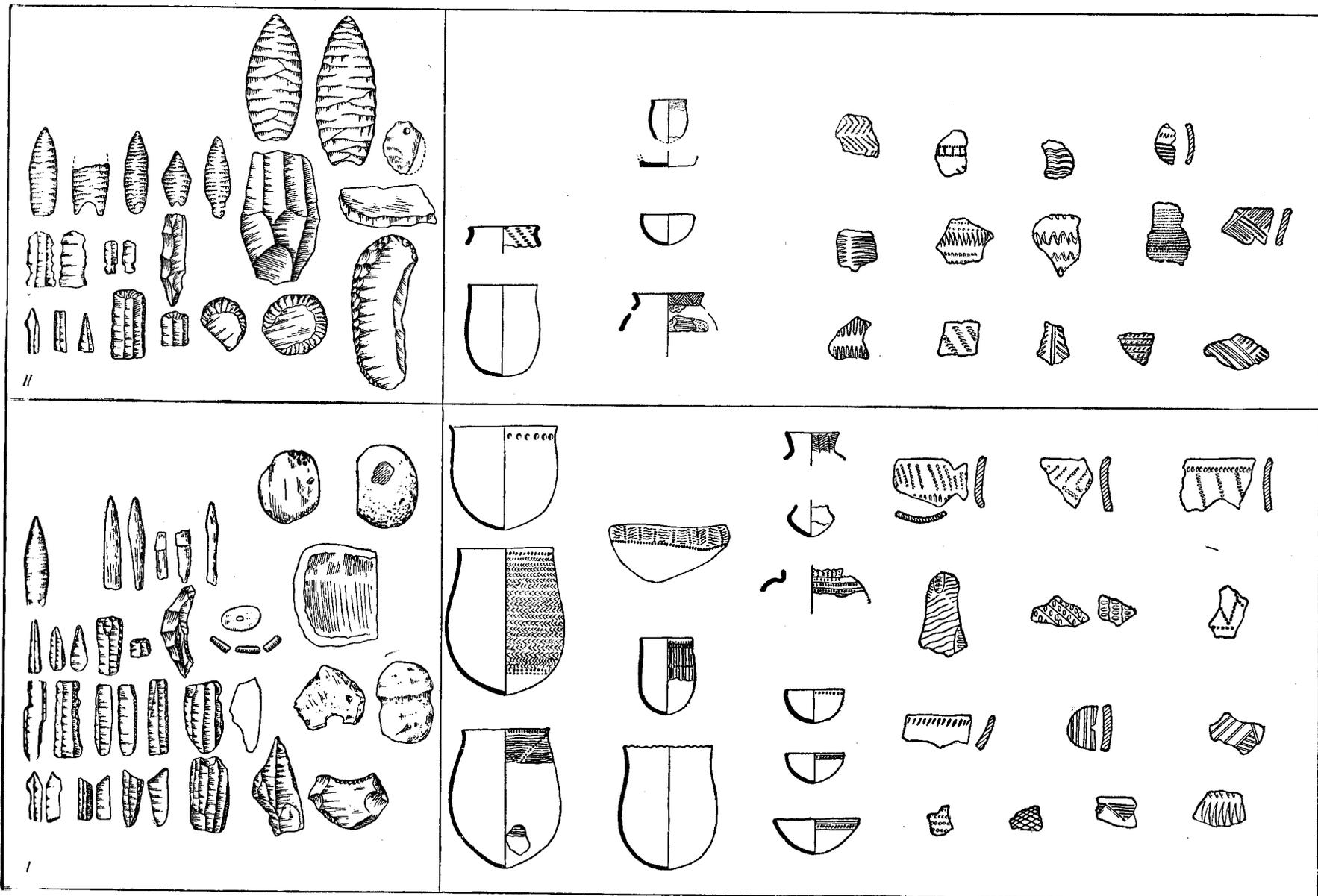

Рис. 7. Кельтеминарская культура (таблица керамики): I — конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.;
II — вторая половина III — начало II тысячелетия до н. э.

Составлено А. В. Виноградовым

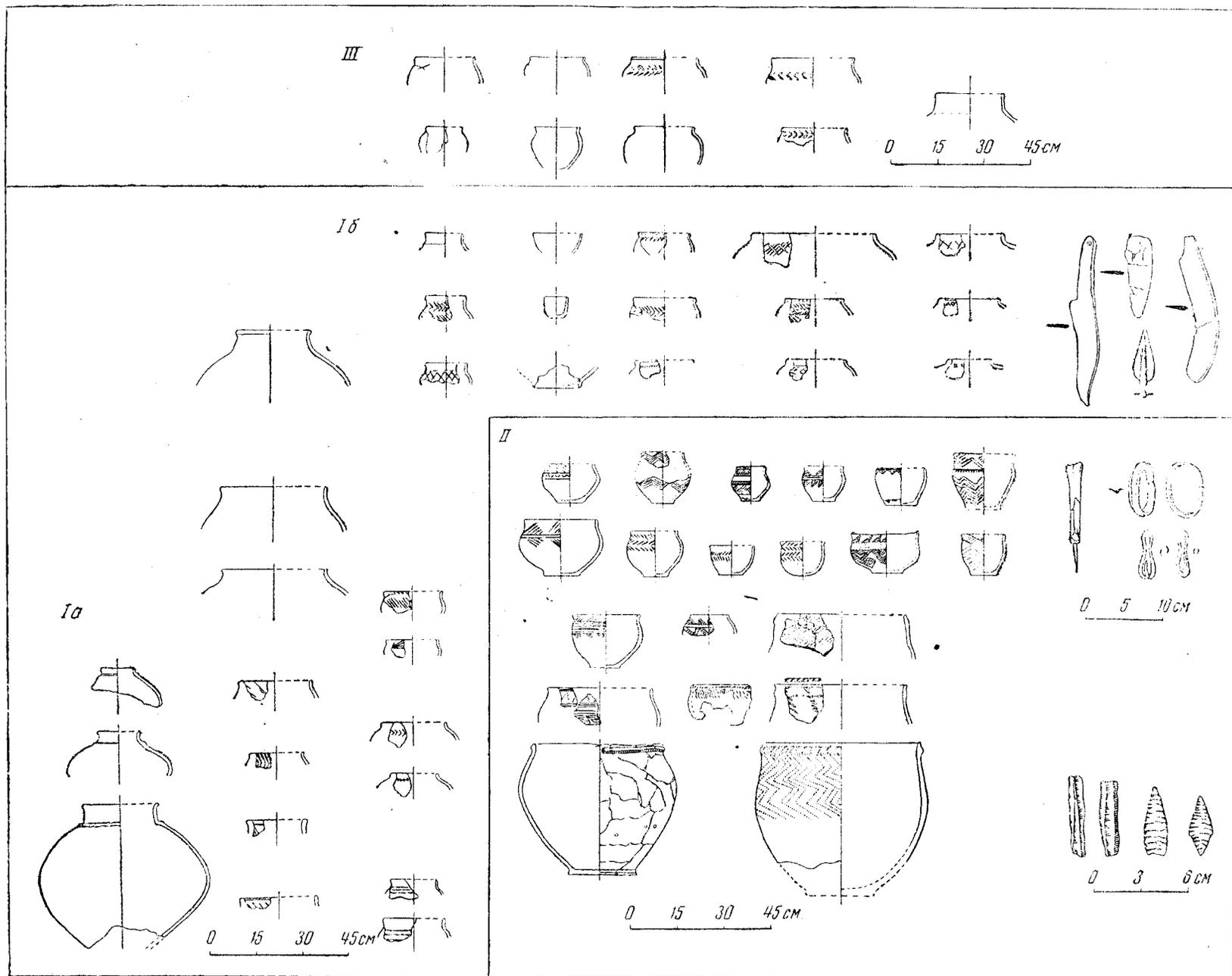

Рис. 8. Культура эпохи бронзы и раннего железа: I — суярганская: а — ранний этап (1-я половина II тысячелетия до н. э.), б — поздний этап (XI — IX вв.); II — тазабагъябская (XV — XI вв.); III — амирабадская (IX — VIII вв.)

Составлено М. А. Итиной

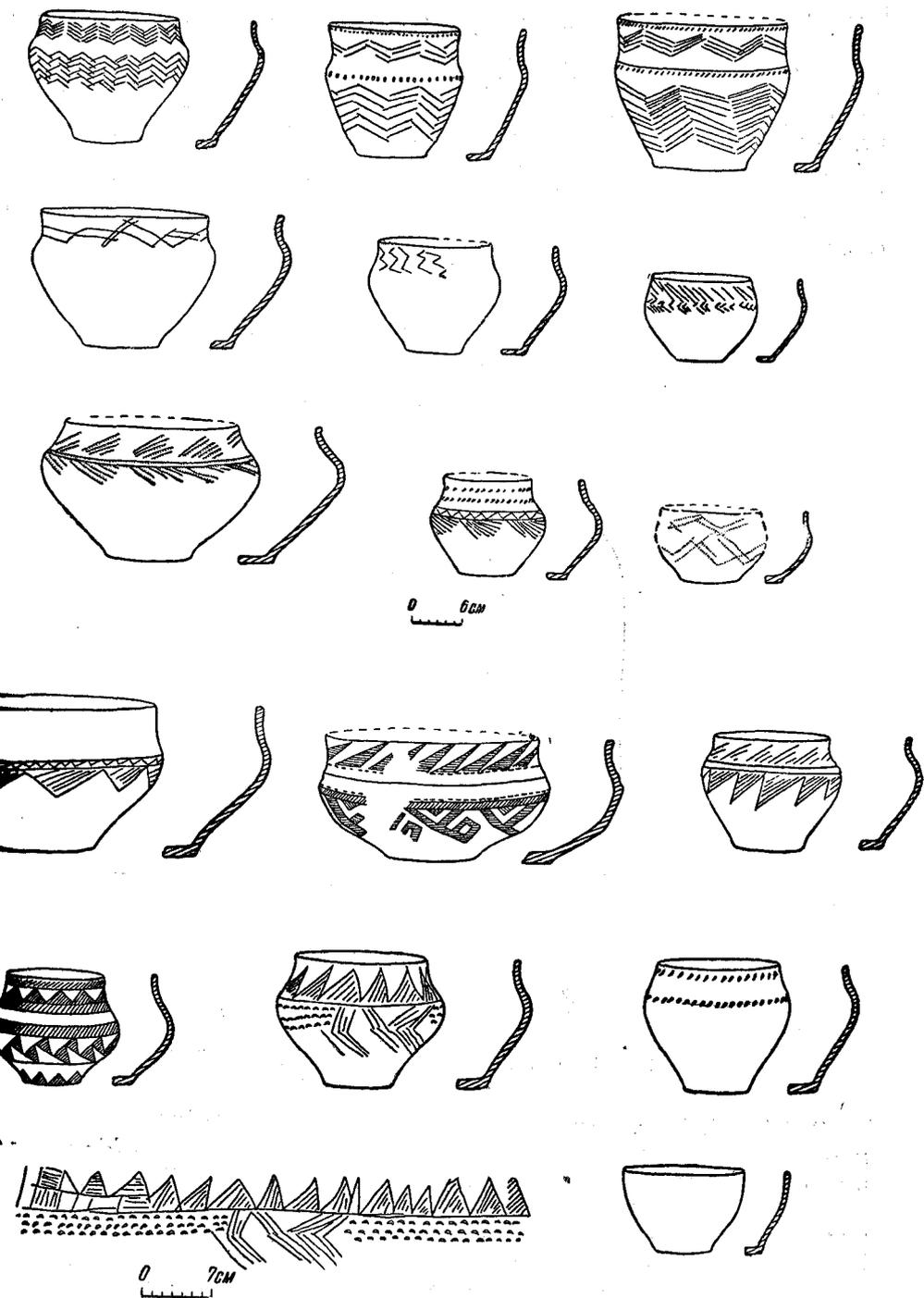

Рис. 9. Керамика с могильника Кокча 3

нижнеузбойская и кельтеминарская культуры выступают в смешанном виде¹².

Памятники эпохи бронзы (рис. 8, 9, 10) гораздо реже на Узбое, чем в Акча-Дарьинской дельте. Это свидетельствует о том, что, видимо, уже в начале II тысячелетия до н. э. начинается новый поворот Аму-Дарьи в сторону ее современной трассы, который заканчивается в античную эпоху, во второй половине I тысячелетия до н. э. Как мы увидим, дальнейшие изменения течения реки в значительной степени определяются социально-историческими факторами. Человек-ирригатор постепенно берет течение реки под свой контроль, и новые изменения ее течения неизменно совпадают с эпохами крупных социально-политических катастроф.

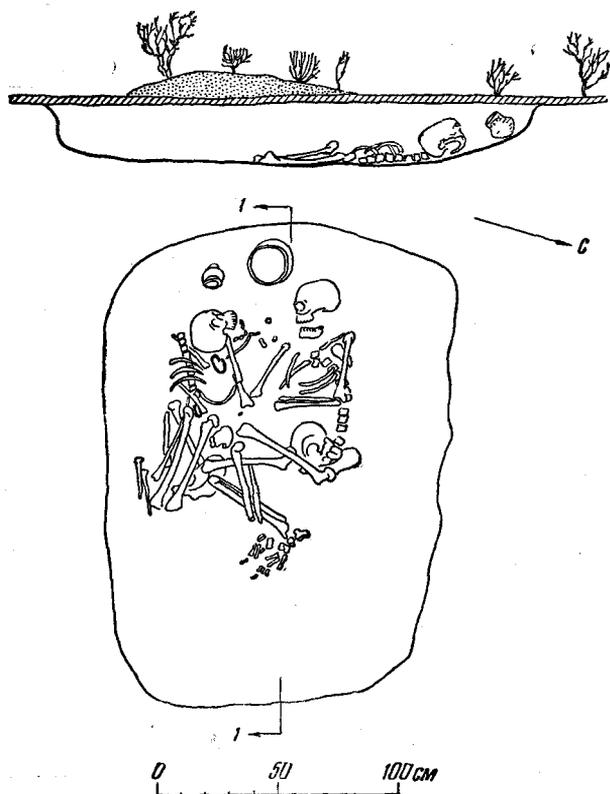

Рис. 10. Могильник Кокча 3, погребение 57

В 1954 и 1955 гг. нами были открыты в южной Акча-Дарьинской дельте многочисленные памятники древнейшей ирригации Хорезма, датируемые второй половиной II тысячелетия до н. э. и относящиеся к так называемым тазабагъябской и позднесуярганской культурам бронзового века Хорезма и амирабидской культуре раннежелезного периода (IX—VII вв. до н. э.)¹³. Первая из них близка к андроновской культуре степей Казахстана и срубной культуре Нижнего Поволжья. Особенно ярко эти черты выступают в материале открытого и раскопанного нами в 1954—1955 гг. могильника позднетазабагъябской культуры (около XIII в. до н. э.) Кокча 3, находя-

¹² С. П. Толстов, Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА, XIX; Е го же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 г., ТХЭ, II.

¹³ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, КСИЭ, XXVI, М., 1957, стр. 5—7.

легося к югу от горы Кокча — крайнего восточного отрога Султан-издага¹⁴ (рис. 9).

Есть основания предполагать, что тазабагъябская культура связана первой значительной волной индоевропейских, индоиранских или иранских племен, проникших в Хорезм с северо-запада. Раннесуярганская и амышлинская культуры (последняя характерна для бронзового века северной дельты Акча-Дарьи), первые памятники которых относятся ко времени не позднее середины II тысячелетия до н. э., обнаруживают черты связи с Анау¹⁵, Закавказьем и более древними памятниками северной Месопотамии и северо-западного Ирана¹⁶. Это особенно ярко проявляется в керамике, поверхность которой имеет зеркальное лощение по розовому, красному и коричневому ангобу. В этих культурах явно видны те южные связи, которые выступают уже в нижеузбойской культуре. Истоки этих связей, по-видимому, находят объяснение в антропологических особенностях скелетов, погребенных в Кокча 3 (рис 10); в них наряду с ортогнатным типом, близким к носителям срубной и андроновской культур, налицо сильная примесь прогнатного типа, встречающего наиболее близкие аналогии в неолитическом населении Грузии и Мазандерана, а в целом входящего в круг индо-дравидоидных форм экваториальной расы, спорадически встречающихся в памятниках бронзового века Ирана, Ирака и северной Индии (Тепе-Гиссар, Киш, Мохенджо-Даро)¹⁷.

Позднесуярганская культура, датируемая XI—X вв. до н. э., характеризуется смешением суярганских и тазабагъябских традиций с примесью некоторых элементов так называемой карасукской культуры (особенно характерны в этом отношении карасукские ножи), центр которой, как известно, лежит в Минусинском крае и на Алтае и которая обнаруживает тесные генетические связи с культурой бронзового века северной окраины Скандинавии¹⁸.

Таким образом, в бронзовом веке, накануне формирования современного русла Аму-Дарьи, в Хорезме, этой исключительно густо населенной обводненной области «Великих озер» Средней Азии, в области «Моря Рукаша» Авесты, идет процесс смешения северных, южных и восточных докультурных элементов, на базе которых слагается античная ирано-ионийская хорезмийская народность — создательница грандиозной ирригационной системы дельты Аму-Дарьи.

Вновь открытые обильные и разнообразные памятники первобытной ирригации XIII—VIII вв. до н. э. позволяют проследить развитие орошения Хорезма (рис. 11) от примитивной «бассейновой системы» маленьких квадратных огородных участков, базировавшихся непосредственно на обводненном боковом затухающем протоке дельты (стоянки Кокча 1 и 2) и затем, в позднесуярганский период, сменившихся полями, орошенными введенным из такого же дамбированного русла узким распределительным каналом (стоянки Базар 1 и 2). В начале амирабадского периода из дамбированного русла выводится ряд параллельных, тоже небольших, но ветвящихся на концах каналов. В районе стоянки Базар 8 такая система орошала площадь до 200 га — в двести раз больше обычных

¹⁴ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1931 г., СВ, 1955, № 6, стр. 99—102.

¹⁵ R. P u m p e l l y, Explorations in Turkestan, I, Washington, 1908, стр. 138, рис. 143.

¹⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. LXXV и LXXVII; R. Campbell-Thompson and M.-E. L. Mallowan, Excavations at Nineveh, 1931—1932, «Annales of Archaeology and Anthropology», XX, 1933, стр. LII, 13; табл. LIII, 6, 7; A. Speiser, Excavations at Tepe Gawra, I, Philadelphia, 1937, стр. 109; табл. LXVIII, 109; T. J. Arne, Excavations at Chah Tepe, Stockholm, 1945, стр. 173, табл. 302; табл. LI, 404a.

¹⁷ Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, СЭ, 1957, № 3.

¹⁸ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, МИА, 9, 1949, стр. 68—75.

площадей орошения ирригационных систем бронзового века. Наконец, в конце амирабадского периода, уже на грани античности, прокладываются крупные, до 10 м в ширину искусственные каналы, тянущиеся на несколько километров и берущие начало в одном из основных русел Акча-Дарьи.

* * *

На «землях древнего орошения» западной и восточной окраин Хорезмского оазиса нами велись в 1951—1955 гг. раскопки ряда памятников, относящихся к различным периодам хорезмийской античности. Объектами раскопок были развалины городов и укрепленных поселений Кюзели-гыр (VII—V вв. до н. э.)¹⁹, Канга-кала (IV в. до н. э.— IV в. н. э.)²⁰, Калалы-гыр 1 (рубеж V и IV вв. до н. э.— начало нашей эры)²¹, Калалы-гыр 2 (рубеж IV и III вв. до н. э.), Кой-Крылган-кала (то же время)²², Гяур-кала близ гор Султан-Уиздаг (II в. н. э.)²³ и многослойные памятники, имеющие как античные, так и средневековые слои — Куня-Уаз²⁴ и Шах-Сенем²⁵.

Параллельно раскопкам специальными отрядами и партиями велось изучение прекрасно сохранившейся ирригационной сети, питавшей эти города и поселения²⁶. Вокруг развалин Кой-Крылган-кала, на древнем канале, продолжающем направление современного канала Кельтеминар — крупного ответвления правобережной магистрали Шурахан-яб, или Пахта-арна, — были обнаружены многочисленные, прекрасно сохранившиеся планировки древних полей (рис. 12), датируемых IV—III вв. до н. э. — классическим древнекангюйским периодом. Поля, открытые на других, более поздних ответвлениях древнего Кельтеминара, датируются позднекушанским временем — III—IV вв. н. э. Планировка их имеет другой, более сложный и разнообразный характер, свидетельствующий о прогрессивном развитии системы полеводства.

Еще более убедительно выступают эти прогрессивные черты при анализе изменения ирригационных систем на протяжении античной эпохи — между серединой I тысячелетия до н. э. и серединой I тысячелетия н. э. Каналы архаического периода (VII—IV вв. до н. э.) характеризуются чрезвычайно большими размерами, достигая ширины 30—40 м между береговыми валами. Огромные каналы, идущие параллельно отмирающим протокам правобережной, Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи, хорошо прослеживаются в районе древнего Кельтеминара. Магистральные каналы идут по краям огромных массивов такыровидных дельтовых суглинков, окаймленных древними протоками и грядами тяжелых аллювиальных и субаэральных песков. Поэтому, как правило, архаические каналы имеют распределительную и оросительную сеть лишь с одной стороны, причем ответвления каналов сходят под прямым углом.

Ирригационная система правого берега уже с начала античности целиком базируется непосредственно на Аму-Дарье. Такой неверный источник,

¹⁹ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, II, стр. 143—153.

²⁰ Там же, стр. 70—74; 92—94.

²¹ Там же, стр. 153—167.

²² Там же, стр. 168—192.

²³ Там же, стр. 192—195; см. также Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, Городище Гяур-кала, ТХЭ, II.

²⁴ Е. Е. Неразик, Археологическое обследование городища Куня Уаз, ТХЭ, II.

²⁵ Ю. А. Рапопорт, Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г., ТХЭ, II.

²⁶ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Указ. раб. КСИЭ, XXVI, стр. 5—11; С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., ТХЭ, II, стр. 100—115; Б. В. Андрианов, Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-яб в 1952 г., ТХЭ, II.

как затухающие, постоянно меняющие направление протоки дельты, оказывается на новом историческом этапе уже совершенно недостаточным. Крупные протоки также затухающей, но более молодой Присарыкамьшской дельты в арханчский и кангюйский периоды еще используются, и на них базируется мощная оросительная сеть левого берега. По существу, раннеантичная ирригационная сеть как бы повторяет древние дельты, подчиняя их регулирующей силе человека. Создание такой мощной сети было не под силу первобытным общинам. Этнографический материал не дает нам в пределах первобытно-общинного строя ничего сколько-нибудь сходного. Создание сети огромных каналов, тянувшихся на

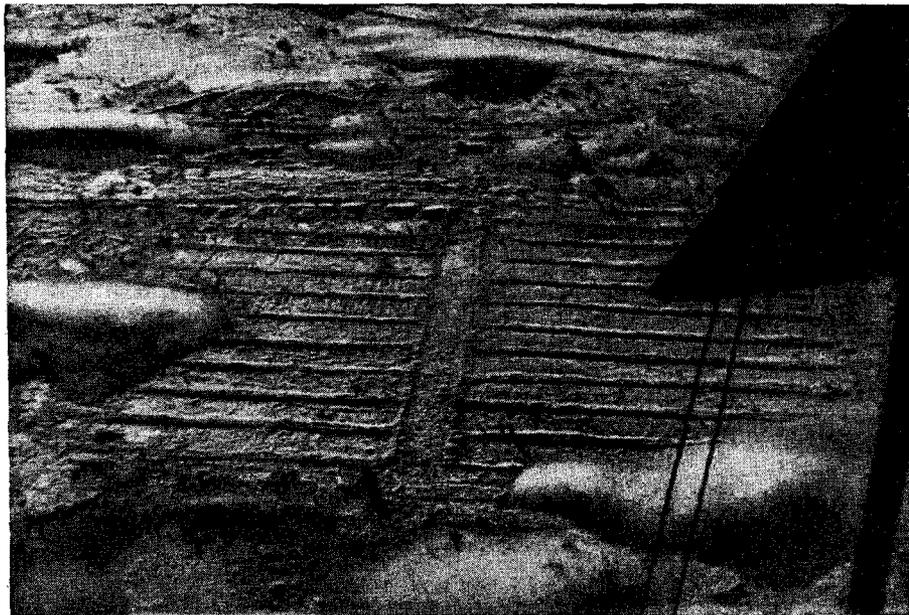

Рис. 12. Поля древнего орошения в окрестностях Кой-Крылган-калы

многие десятки километров, требовало государственной централизации крупного масштаба и привлечения массовой рабочей силы, не занятой другими видами земледельческого труда. Такую силу в тогдашних исторических условиях могли представлять только рабы.

В позднекангюйский и особенно в кушанский период — на рубеже нашей эры и во II—IV вв. — возникает новый, более совершенный тип ирригации, характеризуемый значительно более узкими (10—15 м между береговыми валами) и глубокими магистральными каналами, не связанными непосредственно с дельтовыми протоками и располагающимися не по краям, а по средней линии массивов такыровидных дельтовых суглинков, в соответствии с чем распределительная и оросительная сеть лежит не с одной лишь стороны магистрального канала, а с обеих, и не под прямым, а под острым углом к нему. Эта опирающаяся на гораздо более глубокое знание законов движения воды, более экономная и совершенная система орошения в основных чертах уже предвосхищает средневековую, характеризующуюся лишь еще большей экономией воды и труда строителей. Таким образом, к концу антично-рабовладельческой эпохи в Средней Азии, как и на Западе, в Средиземноморье, уже создаются материальные предпосылки перехода к средневеково-феодальному строю.

* * *

Невозможно в тесных рамках нашей статьи сколько-нибудь подробно охарактеризовать разнообразные результаты раскопок перечисленных выше восьми памятников, охватывающих период более тысячелетия (если не считать средневековых слоев Куня-Уаза и Шах-Сенема). Остановимся на немногих, важнейших новых находках и на наблюдениях, основанных на вновь добытых материалах.

Прежде всего коснемся вновь открытых историко-архитектурных фактов. Существенным является открытие двух строительных горизонтов древнейшего из исследуемых городищ — Кюзели-гыр, причем строительная техника нижнего из них, датируемого VII—началом V в. до н. э., характеризуется рядом черт, резко отличающих его от строительной техники классического Хорезма. Так, стандарт сырцового кирпича здесь совершенно иной: преобладает не квадратный ($40 \times 40 \times 10$ см), а прямоугольный кирпич размером $52 \times 26 \times 10$ см; вместо характерного для классического периода открытого очага мы находим здесь двухкамерный очаг-печь; преобладают плоские перекрытия, своды пока не зарегистрированы. Если прибавить к этому архаический характер керамики и исключительное обилие бронзовых скифских стрел при полном отсутствии пращевых камней, уже с рубежа V—IV вв. до н. э. начинающих играть огромную роль, а также иной состав стада — преобладание крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, тогда как с IV в. до н. э. ведущую роль в скотоводческом хозяйстве Хорезма играет мелкий рогатый скот, — архаический Хорезм выступает перед нами наделенным целым рядом специфических черт. Судя по верхнему строительному горизонту Кюзели-гыра, датируемому также V в. до н. э., но более поздним его отрезком, переход к квадратному кирпичу завершается уже на протяжении этого столетия. Вообще архитектура верхнего горизонта Кюзели-гыра во многом сближается с архитектурой классического кангюйского периода. Таковы, например, тройные бойницы, предвосхищающие формы фортификации Джанбас-калы.

На левом берегу Аму-Дарьи главным объектом наших работ 1955 г. были раскопки античной крепости Канга-кала (рис. 13), расположенной на восточном склоне возвышенности Канга-гыр, вдоль которой тянется самое южное из русел Присарыкамышской дельты — Канга-Дарья. Параллельно с раскопками велось исследование базирующейся на этом русле ирригационной системы.

Канга-кала представляет собой крайний юго-^{Земля}восточный форпост античного Хорезма, расположенный в непосредственном соседстве с Сарыкамышским озером. Исследование крепости показало, что она существовала на протяжении почти тысячелетия: от середины первого тысячелетия до н. э. до IV в. н. э. Правда, раскопки 1955 г. дошли только до так называемого раннекангюйского слоя, датируемого IV—III вв. до н. э., но находки в осыпях крепости многочисленных бронзовых скифских стрел VI—V вв. до н. э. и находки керамики того же времени на примыкающих к крепости полях позволяют с уверенностью говорить, что крепость была построена не позднее V в. до н. э., и не сомневаться, что дальнейшее углубление раскопок вскроет слой архаической хорезмийской культуры. Крепость перестала существовать в результате большой военной катастрофы. Верхний слой повсюду содержит следы сильного пожара, а близ восточного угла крепости, со стороны Канга-Дарьи, сохранились следы огромного пролома в стене, в результате которого, видимо, крепость и была взята.

Канга-калинская ирригация представляет огромный интерес. Анализ ее топографии свидетельствует, что орошенная территория не раз меняла свои очертания в связи с процессом затухания северных протоков Канга-Дарьи, которыми она питалась. Эти протоки образовывали своего рода

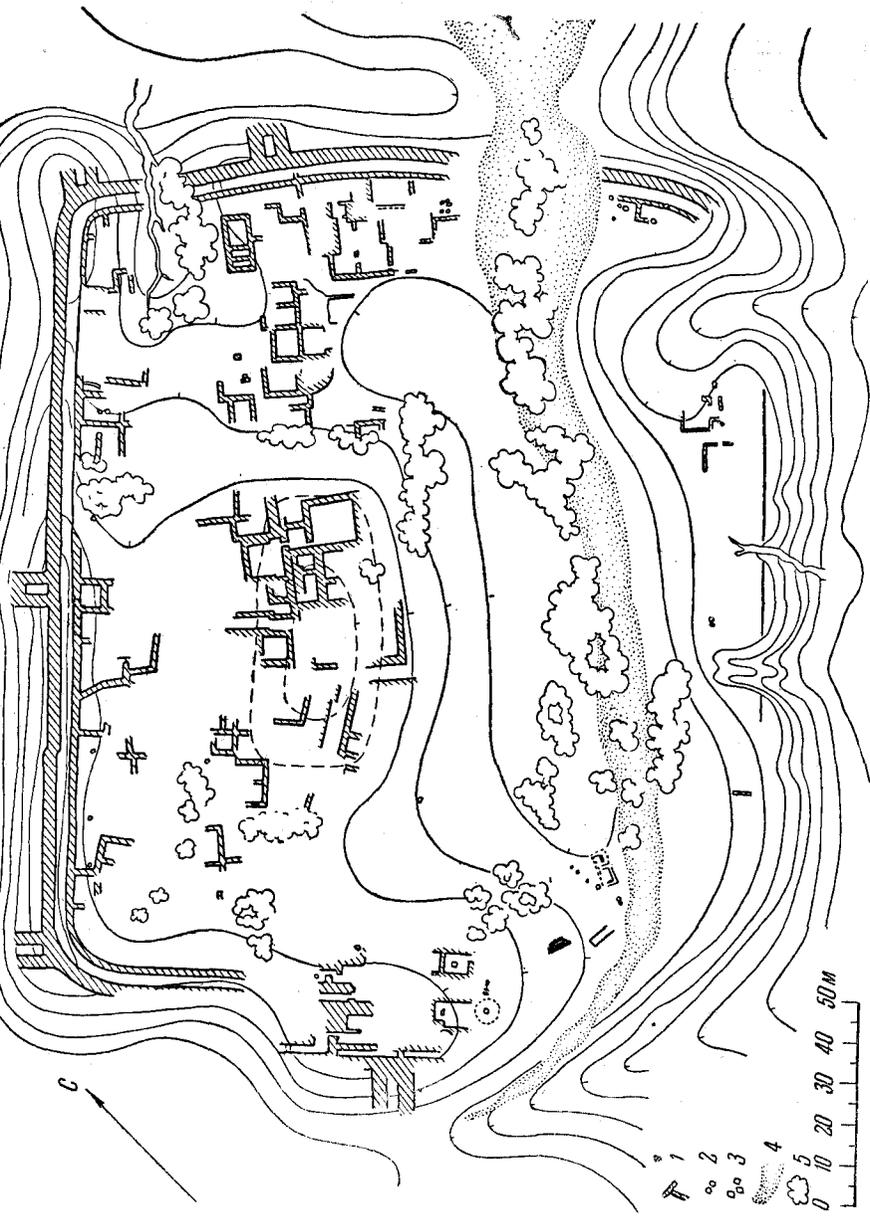

Рис. 13. Канга-кала (план крепости): 1 — выходы стен; 2 — хумы; 3 — плиты (известняк); 4 — песчаная гряда; 5 — кустарник

Обмер арх. М. С. Лалирова-Скобло

маленькие дельты, не доходившие до Сарыкамыша и разбиравшиеся на ирригацию.

Отмечу тот интерес, который для нас представляет имя Канга-Дарья. Это имя, несомненно, древнее (ср. такое же древнее название верховьев того же русла — Даудан) и является серьезным аргументом в пользу нашего отождествления государства Кангюй китайских хроник, страны Канга Авесты, Кангдиз позднероастрийской литературы и иранского эпоса — с Хорезмом. Река Канг этого же эпоса не что иное, как наша Канга-Дарья.

Рис. 14. Кой-Крылган-кала (аэрофото)

Богатый материал для истории архитектуры дали результаты раскопок памятников классического периода: дворцового здания и городских стен Калалгы-гыр 1, датируемых рубежом V и IV вв. до н. э., и крепости Кой-Крылган-кала, постройка которой относится к рубежу IV и III вв. до н. э. Этот памятник (рис. 14) представляет собой башнеобразное цилиндрическое здание диаметром 42 м при сохранившейся высоте до 8 м над окружающей равниной, обнесенное снаружи круглой стеной (диаметр внешнего кольца — 86,5 м) с девятью башнями. Площадь внешнего кольца застроена многочисленными комнатами неправильной планировки, хотя в общем и подчиняющейся радиальному принципу. Судя по характеру находок, этот внешний комплекс помещений был использован в первую очередь для размещения слуг и рабов. Совершенно иной характер имеет планировка центрального башнеобразного здания, имевшего два этажа, из которых нижний почти полностью сохранился. Помещения этого этажа, с мощными стенами и величественными двойными сводами из сырцового кирпича, имеют строгую планировку. Вход в нижние помещения был с внешней стрелковой галереи верхнего этажа. По диаметру (по линии запад — восток) располагался центральный свод здания, разделенный посередине поперечной стеной. На обоих концах центрального свода находились по обе стороны двухмаршевые лестницы, ведущие, как отмечено, на второй этаж и открывавшиеся на внешнюю стрелковую галерею.

Надо, впрочем, отметить, что выход наверх с лестниц западного конца свода был заложен кирпичом еще в процессе постройки здания. По обе стороны от центрального свода располагались по хордам круга шесть арочных сводов, открывающихся арками в центральный свод. Чрезвычайно интересны обнаруженные здесь впервые окна, освещавшие помещения нижнего, цокольного этажа и расположенные в торцовых стенах всех сводов, кроме северного. Оконные ниши, находящиеся ниже линии бойниц стрелковой галереи, вели внутрь, наклонно, через шестиметровую толщу внешней стены. Снизу через эти окна было видно небо, что обеспечивало большую интенсивность освещения.

Анализ стратиграфии этого замечательного памятника позволяет установить, что в то время как историческая жизнь центрального здания (за исключением стрелковой галереи и центрального колодца) ограничена рамками раннекангуйского периода — времени, близкого ко времени его сооружения, — помещения внешнего кольца существовали около четырех столетий, вплоть до конца I века н. э., кануна присоединения Хорезма Кушанской империи. Первоначально, по-видимому, вокруг центральной башни, представлявшей, по нашему предположению, памятник погребального и астрального культа, существовала только циркулярная стена с бойницами, напоминающими бойницы Кюзели-гыра (важный датирующий признак). Затем стена была коренным образом перестроена, и к ней изнутри стали пристраивать разнообразные складские помещения с сохранением большого кольцеобразного двора вокруг башни. В позднекангуйский период все пространство внешнего кольца было застроено, вокруг башни был создан распределительный коридор, а многочисленные комнаты — жилье, склады, мастерские этого большого храмового хозяйства — сгруппированы в несколько радиальных секторов, разделенных глухими стенами.

Мы лишены возможности дать сколько-нибудь подробную характеристику находок, добытых во время раскопок. Остановимся лишь на наиболее интересных. Отметим прежде всего найденную в 1951 г. в одном из помещений внешнего кольца Кой-Крылган-калы, заполненном огромными кувшинами (пифосами) для хранения вина, краткую надпись, по-видимому, самую древнюю из известных пока надписей не только в Хорезме, но и в Средней Азии в целом. Надпись вырезана на хуме, под венчиком, нанесена хорошо читаемыми письменами арамейского происхождения. Содержание ее: 'SPBR/DK — «Аспабарак», или «Аспабадак»²⁷. Слово, несомненно, иранское — иранскими являются и именная, и глагольная основы слова, и завершающий его аффикс. Оно может быть переведено: «Едущий на коне» или «Сидящий на коне», и в том, и в другом случае являясь собственным именем, вероятно, владельца хума и его содержимого. Кроме этой, уже прочтенной надписи, в последующие годы найдено еще три надписи на хумах и одна, процарапанная на спине женской статуэтки. Над дешифровкой их мы еще продолжаем работать. Наряду с документами хорезмийского архива III в. н. э. и парфянского архива в Нисе I в. н. э., эти надписи III — II вв. до н. э. являются вкладом в быстро пополняющуюся историю письменности древних народов Средней Азии.

Весьма богаты находки разнообразных произведений прикладного искусства классического Хорезма. Особенно много находок больших сосудов для вина, по своей форме примыкающих к вьючной фляге, но отличающихся от прежде известных нам находок этого типа тем, что плоская крышка фляги украшена сюжетной или орнаментальной барельефной композицией (рис. 15, 1—4). Особенно интересны две фляги, найденные в полу центрального свода Кой-Крылган-калы, близ восточного входа. Одна из них украшена рельефной композицией, центр которой занимает родатая голова в профиль, влево, а поле (сохранилась только левая

²⁷ См. нашу публикацию в СВ, 1955, № 6, стр. 92—93, рис. 3.

Рис. 15. Находки с Кой-Крылган-калы: 1—3 — рельефные изображения на флягах; 4 — фляга с рельефным орнаментом; 5 — красноангобированный бокал; 6 — чернолощенный сосуд с процарапанным орнаментом; 7 — светлоангобированный ковш с головкой барана на ручке; 8 — светлоангобированная подставка для вертела, украшенная головками коней

оловина фляги) — изображение грифона с туловищем коня (рис. 15, 1). На другой баклаге — растительно-орнаментальная композиция с шестиконечной звездой в центре (рис. 15, 4). Находки фрагментов таких рельефных композиций очень обильны. Отметим фрагмент с изображением ужской головы в пышно украшенном шлеме, гребень которого увенчан ротомом фантастической птицы (рис. 15, 3), а назатыльник — человеческой маской. На другом фрагменте сохранилась часть композиции — женщина, полулежащая на троне и кормящая грудью ребенка. Одной из ранних находок на Кой-Крылган-кале, сделанной еще в 1950 г. во время разведки, является рельеф с изображением всадника в скифском головном уборе, с копьем наперевес. К этим памятникам классического искусства Хорезма из Кой-Крылган-калы надо добавить фрагмент керамического рельефа, найденный в 1953 г. при раскопках единовременного памятника — Калалы-гыр 2, изображающий охотничью сцену с фигурой всадника на верблюде в центре. Эти композиции, предвосхищающие на много столетий композиции «сасанидского серебра», приоткрывают завесу, скрывавшую от нас исчезнувший мир хорезмийского эпоса и мифологии.

К флягам с рельефами надо добавить характерные для Кой-Крылган-калы кувшины с ручками, увенчанными головой льва, миниатюрный сосуд, орлышко которого оформлено в виде человеческой головы, и найденные в 1952 г. многочисленные фрагменты полихромных керамических ритонов — протомы коней и грифонов²⁸. Целый ритон такого типа, украшенный ротомом коня, был найден в синхронном Кой-Крылган-кале слое Калалы-гыра 1. Особо надо отметить многочисленные сосуды (чаши, котелки, др.), резко отличающиеся от обычной хорезмийской керамики. Они сделаны без круга, но очень тщательно, из тонко отмученной серой глины, покрыты черным ангобом с зеркальным лощением и тонким прорезным орнаментом из угловатых и волнистых линий (рис. 15, 6). Имея близкие аналогии с более ранней керамикой Северного Кавказа и более поздней — Аджеты-Асара (тохарские памятники Сыр-Дарьи), эта керамика явно принадлежала каким-то степным племенам, связанным с Хорезмом.

Прекрасными образцами обогатили раскопки Кой-Крылган-калы коллекцию древнехорезмийской терракотовой скульптуры (рис. 16, 1—5). Найденны многочисленные статуэтки богини плодородия — хорезмийской Анахиты, обложенной в пышно орнаментированную одежду. Одна рука богини положена на грудь, другая опущена вдоль тела. Отметим также статуэтку женского божества с фиалом и миниатюрной амфорой в руках. Эти атрибуты были нам раньше неизвестны, они отсутствуют у многочисленных хорезмийских изображений богини плодородия Анахиты. Весьма вероятно, что это — изображение богини виноделия Мины; смутные сведения о ее культе и мифах, с ней связанных, сохранил нам Бируни.

Исключительный интерес представляет найденная в окрестностях Кой-Крылган-калы крупная терракотовая голова старухи, выполненная с большим реализмом. Характерно, что совершенно аналогичная голова, но изготовленная из алебаstra, была найдена в 1952 г. на городище Куя-Уаз. По-видимому, перед нами изображение какого-то хтонического божества, образ которого был связан с загробным культом.

Из статуэток животных особенно популярно изображение коня. Коней мы встречаем также на оригинальных подставках для вертелов (рис. 15, 8). Большой интерес представляет найденный в 1955 г., видимо, ритуальный плоский ковш с рельефным орнаментом и прямой ручкой, украшенной головкой барана (рис. 15, 7). Отдельно такие ручки мы находили не раз. Этот ковш, относящийся к верхнему слою Кой-Крылган-калы, явно тяготеет к образцам сарматского искусства. Отметим также оригинальную статуэт-

²⁸ См. наши публикации ряда находок с Кой-Крылган-калы в ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—174; ВДИ, 1955, № 3, стр. 201—204, рис. 12—15.

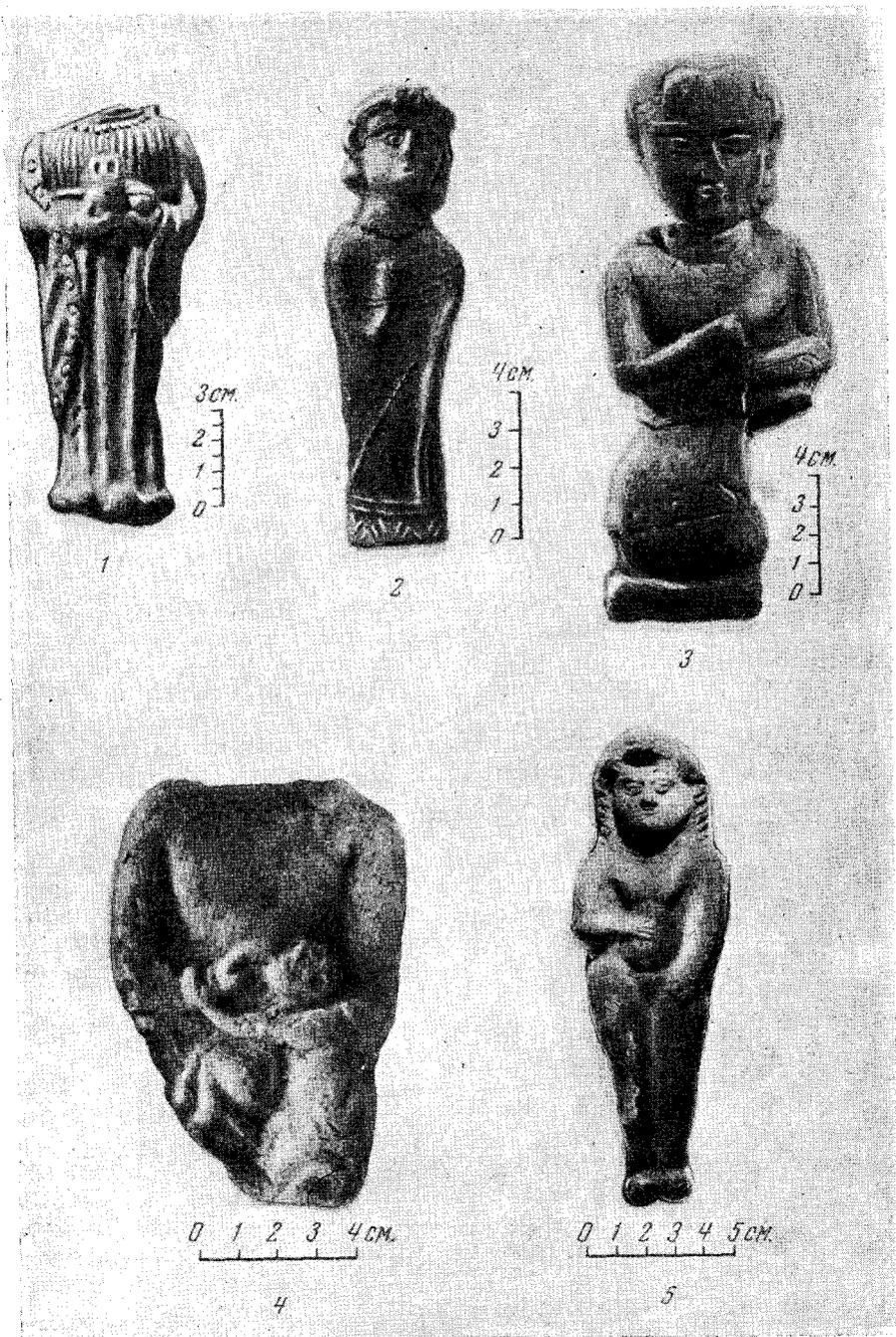

Рис. 16. Терракотовые статуэтки с Кой-Крылган-калы: 1 — «богиня с чашей» и амфоровидным сосудом; 2 — женщина в парадной одежде; 3 — сидящая женщина; 4 — «богиня-мать»; 5 — обнаженная женщина

гу обезьяны с детенышем²⁹, выполненную весьма реалистически и в своеобразной, необычной для Хорезма манере. Необычно и гончарное тесто — зеленовато-серая, тонко отмученная глина. Возможно, что это — импортная статуэтка. Она относится к верхнему слою Кой-крылган-калы и может быть датирована II—I вв. до н. э.

Богаты находки художественных памятников зороастрийского погребального обряда. Уже в 1950 г. на Кой-Крылган-кале была сделана первая находка оссуария первых веков до н. э., представляющего собой керамический квадратный ящик для костей, увенчанный женской фигурой в половину натуральной величины. Многочисленные находки фрагментов статуарных оссуариев завершились находкой в 1953 г. полностью сохранившегося керамического оссуария, увенчанного мужской фигурой в натуральную величину (рис. 18). С аналогичным оссуарием, видимо, связана керамическая маска, найденная также в 1953 г. в окрестностях Кой-Крылган-калы. Значительный интерес представляет открытый уже давно (в 1939 г.), но подвергнутый систематическому раскопу в 1953 г., большой некрополь оссуариев на городище Калалы-гыр I, датируемый в целом более поздним, чем оссуарии Кой-Крылган-калы, кушанским временем (I—III вв. н. э.)³⁰. Для оссуарных погребений были использованы развалины древней, датируемой рубежом V и IV вв. до н. э., недостроенной городской стены и датируемого тем же временем и также недостроенного здания дворцового типа. Есть основания предполагать, что эта крепость, по времени близкая охарактеризованному выше Кюзели-туру (верхний горизонт), но резко отличная от него с архитектурной точки зрения, была начата постройкой ахеменидским правительством и не закончена в связи с падением власти ахеменидов в Хорезме. Пользуюсь случаем упомянуть о том, что в нижнем слое дворцового здания на Калалы-гире обнаружена форма для изготовления алебастровых рельефов крупной головы грифона³¹.

При раскопках 1953 г. на Калалы-гыре было найдено свыше ста погребений в оссуариях различного типа, изготовленных из песчаника, сырой глины и алебастра, а также керамических. Среди этих, количественно преобладающих оссуариев встречается ряд различных типов, из которых надо отметить: бочкообразные, с отверстием в торце, саркофагообразные на четырех ножках, с квадратным отверстием в верхней крышке, подквадратные, с пирамидальной верхней гранью, завершающейся круглой крышечкой с изображением птицы. Этот последний тип близко напоминает гораздо более поздние оссуарии из Семиречья.

Рис. 17. Керамическая голова с оссуария, найденная в окрестностях Кой-Крылган-калы

²⁹ С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, № 3, стр. 204, рис. 14.

³⁰ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, II, стр. 153—167.

³¹ Там же, стр. 159 и рис. 61, 2.

Обильный краниологический материал, добытый раскопками с Калалы-гыра 1, а также менее значительный, но весьма интересный материал из Калалы-гыра 2, Куня-Уаза и Канга-калы, обработанный Т. А. Трофимовой³², проливает свет на историю формирования антропологического типа населения Хорезма и представляет большой исторический интерес. В ис-

Рис. 18. Мужская фигура, увенчивавшая керамический оссуарий (Кой-Крылган-кала)

следуемый период к двум европеоидным типам (суббрахиранному и длинноголовому, длиннолицему) примешиваются в различной пропорции два других, неевропеоидных типа. Черепа II—III вв. н. э., добыты при раскопках 1950 г. в дахе Калалы-гыра 1, оказались в основном принадлежащими малорослым представителям индо-дравиоидного, прогнатного типа, известного для Хорезма III в. н. э. с 1948—1949 гг. по скульптурам «зала темнокожих гвардейцев» Топрак-калы³³.

Раскопки 1953 г. показали, что к этому типу могут быть отнесены отдельные черепа и в составе массового материала кладбища Калалы-гыра. Пока трудно сказать, является ли этот антропологический тип остатком от эпохи древних индо-хорезмских связей, выступающих в IV—III тысячелетиях до н. э. в памятниках кельтеминарской неолитической культуры, или результатом набора индийских военных контингентов в кушанскую эпоху, когда большая часть Индии и Средней Азии входила в состав одного политического объединения —

Кушанской империи (нам более вероятным представляется последнее). Несомненно, во всяком случае, наличие в составе населения Хорезма II—III вв. н. э. компактных групп населения индо-дравиоидного типа. Среди черепов IV—V вв. н. э. из Куня-Уаза и Канга-калы преобладает совсем другой антропологический тип — длинноголовый монголоидный, близкий к неолитическому населению Северного Китая. Видимо, появление этого типа в Хорезме было связано с движением хионито-эфталитских племен. Впрочем, наличие монголоидной примеси в Хорезме можно констатировать и раньше. находка в 1952 г. в Гяур-кале (в слое II в. н. э.) великоленой скульптурной головы в скифском головном уборе³⁴ свидетельствует о вероятном наличии некоторой монголоидной примеси. Однако в IV—V вв. на окраинах Хорезма появляются значительные компактные

³² Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-гыр 1 и 2, ТХЭ, II; е е же, Материалы и исследования по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. Там же.

³³ См. ТХЭ, I, стр. 37—38, рис. 24.

³⁴ ТХЭ, II, рис. 88.

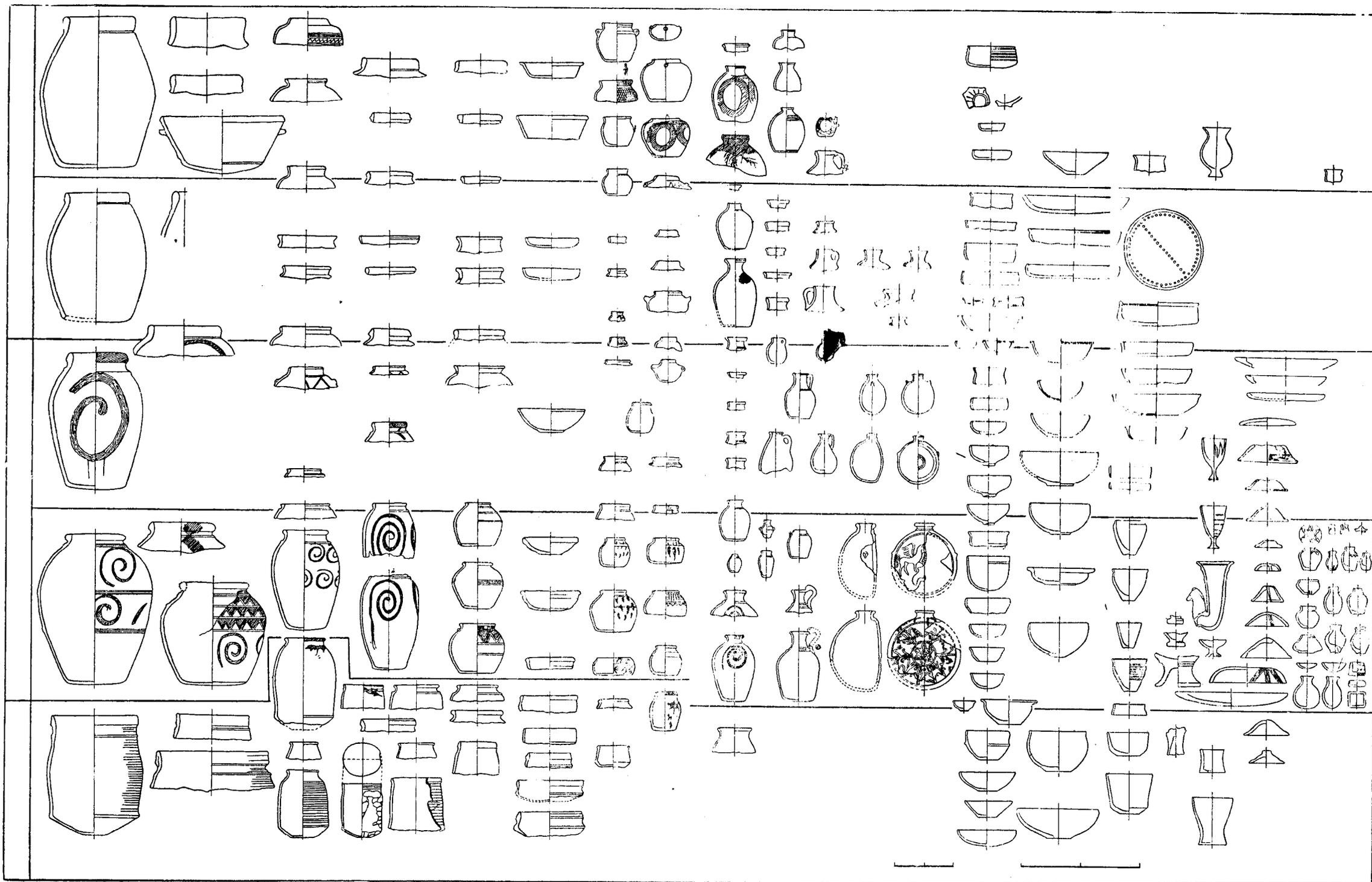

Рис. 19. Керамика античного Хорезма.
 Составлено М. Г. Егорбеевой

II-III

I-IV

I-V

I-VI

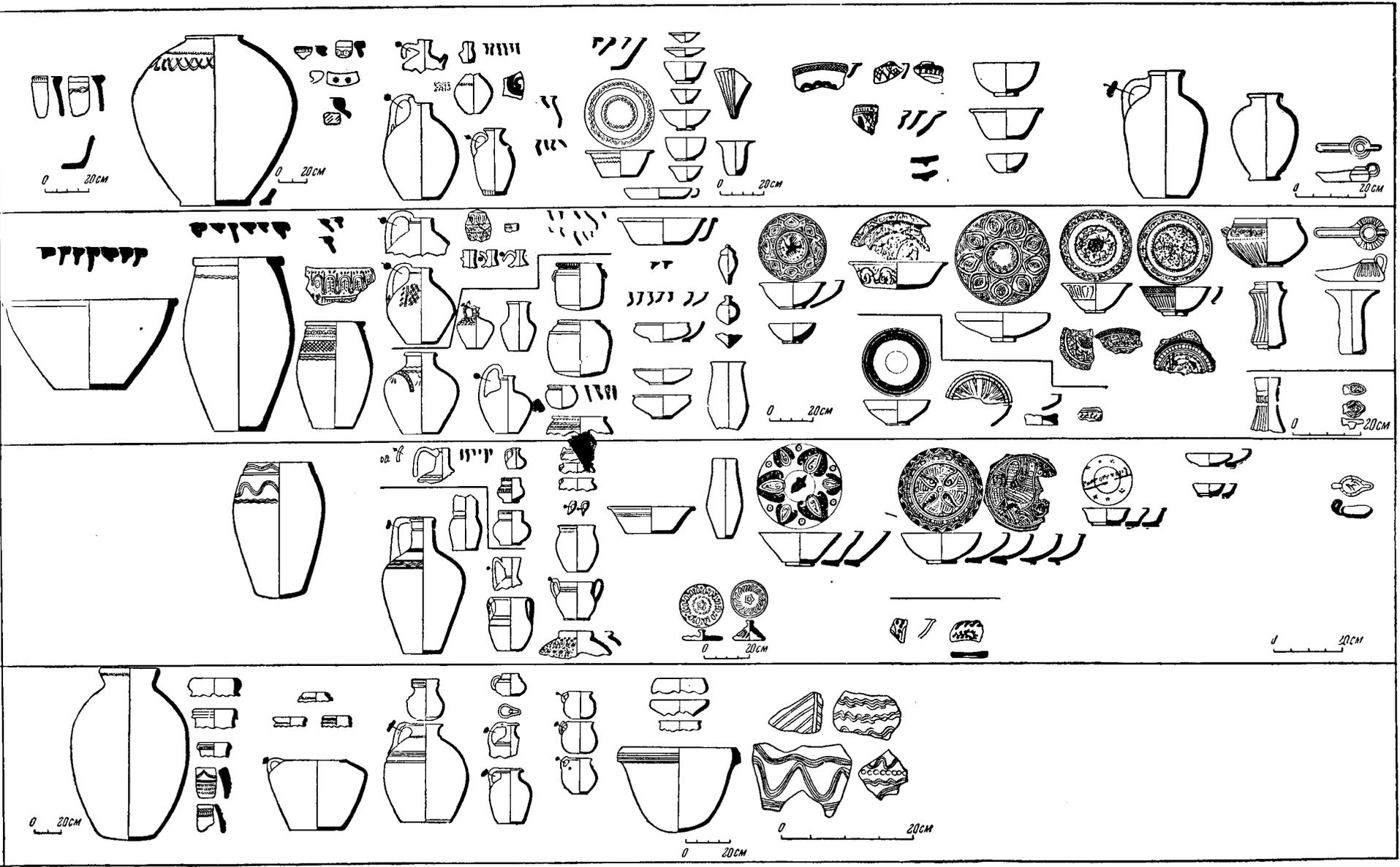

Рис. 20. Керамика средневекового Хорезма.
Составлено Н. Н. Вактурской

группы монголоидного населения, сыгравшие впоследствии известную роль в формировании современных, европеоидных в основном, групп населения Хорезма — узбеков и туркмен.

* * *

На рубеже античности и средневековья, в конце IV—VI вв., Хорезм переживает глубокий упадок. Резко сокращается ирригационная сеть. Из ирригации выпадают два крупнейших магистральных канала правобережья и значительно сокращается зона третьего. Полностью прекращается существование вся огромная ирригационная сеть «земель древнего орошения» левобережья. Гибнут, в большинстве случаев в результате военных катастроф, все известные нам античные города. В последний период жизни тех из них, которые наиболее долго существовали, ремесленное производство переживает сильный упадок. Как мы видели выше, резко меняется антропологический состав населения, в особенности на периферии Хорезма. Это свидетельствует о появлении степных варварских племен среди населения разрушающегося, переживающего глубокий кризис государства. Все эти признаки вполне достаточны, чтобы решить вопрос о причинах происходивших изменений. Они идентичны тем, которые характерны и для эпохи гибели рабовладельческой державы Запада — Римской империи. Ирригационный характер земледелия Хорезма делает последствия кризиса рабовладельческой системы здесь особенно ощутимыми, рельефными. Создание в рамках Кушанской империи, — как и на Западе, в Риме, — материальных предпосылок перехода к новому, прогрессивному феодальному строю не привело, как и на Западе, к непосредственному прогрессивному развитию. Загнивание мешающих этому развитию рабовладельческих отношений затянулось на века, так как внутри общества не было класса, который мог бы возглавить прогрессивную перестройку общества. И, как и на Западе, эта сила нашлась на периферии Хорезма и других областей Средней Азии. Это были варварские племена — германские и славянские на Западе, тюркоязычные на Востоке. Упадочные формы античного материального производства сочетались с принесенными варварами глубоко архаичными формами, похожими на те, с которых начинался античный Хорезм. Именно этим объясняется та резкая грань между античностью и средневековьем, которая в Хорезме, как и в других районах Средней Азии, видна во всех областях материальной культуры. Публикуемые нами таблицы форм керамики (рис. 19 и 20) показывают это довольно наглядно. Лишь с VI—VII вв. начинается новый, медленный подъем Хорезма, ранняя стадия его уже не античной, а средневековой культуры, — афригидская. Резко меняется тип расселения — два нарождающихся класса феодального общества живут в сильно укрепленных жилищах-замках, различающихся только величиной. На развалинах античных городов возникают новые, афригидские. Архитектурный прототип этих замков мы находим не в античном Хорезме, а у варварских хионитских племен его периферии, замечательным образцом архитектуры которых является укрепленная ставка хионитских вождей — Барак-Там³⁵. При раскопках 1955 г. афригидского города Беркут-кала между позднекушанским и афригидским слоями обнаружена стерильная прослойка, связанная с периодом запустения. Из всех памятников культуры ирригация — основа основ земледелия, ведущей отрасли сельского хозяйства, — наглядно и убедительно показывает, что уже в VII—VIII вв., до арабского завоевания, хозяйство Хорезма продолжает прогрессивное развитие, наметившееся при кушанах. Основного производителя рабовладельческого общества — раба прочно заменил основной производитель феодального

³⁵ ТХЭ, I, стр. 135, сл., рис. 1—15.

общества — крепостной крестьянин. Расцвет средневековой культуры Хорезма, достигшей своего высшего развития уже к XII в., был дважды оборван огромными политическими катастрофами — нашествием Чингис-хана в конце первой четверти XIII в. и нашествием Тимура в начале последней четверти XIV в. С этими кровавыми событиями связаны новые изменения в течении Аму-Дарьи.

Для решения этой проблемы, много десятилетий волновавшей ученых, богатый результат дало исследование средневековых памятников Узбоя. Как мы отметили, в античный период это русло перестало действовать.

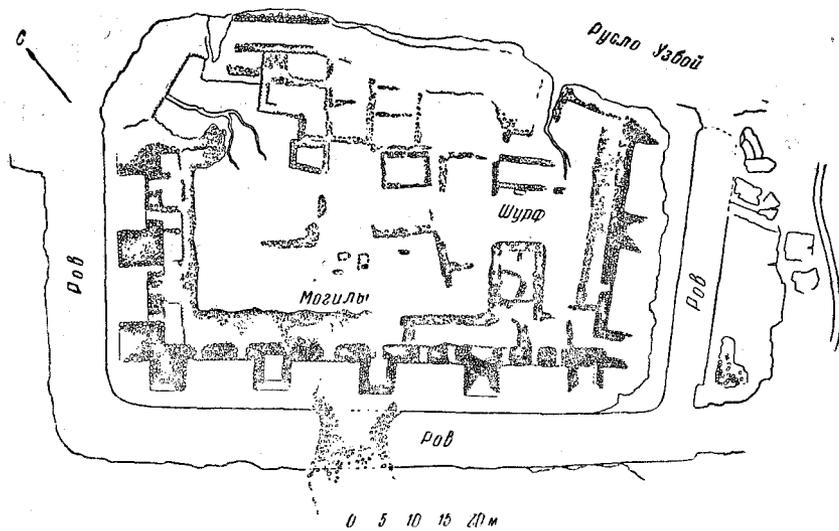

Рис. 21. Игды-кала (план укрепления)

Только находки керамики варварских племен — бедные следы стоянок кочевников в песках близ Узбоя да отдельные находки наконечников скифских стрел — свидетельствуют о том, что русло не совсем было покинуто человеком.

Отсутствие находок ремесленной керамики античных типов говорит о том, что вдоль Узбоя не было в то время не только оседлых поселений, но и торгового пути, возникшего в X—XI вв. н. э., в эпоху расцвета средневекового Хорезма. В свете археологических материалов становится очевидным, что в противоречивых показаниях античных источников о «каспийском устье» Аму-Дарьи отразилась борьба традиционных представлений об этом «устье», восходящих к середине I тысячелетия до н. э., с проникавшими в античную географическую литературу обрывками реальной информации. Только к самому концу античного периода, вероятно к концу IV—V вв. н. э., относятся остатки небольшого, сложенного из известняковых плит, но покрытого глиняной обмазкой, укрепления близ колодца Игды (см. рисунок 21), на каменном обрыве каньона Узбоя³⁶. Этот памятник, вероятно, связанный с хионито-сасанидскими войнами и построенный хионитами (о чем свидетельствуют находки керамики) по искаженным варварами образцам античной хорезмийской фортификации, может быть свидетельством кратковременного прорыва вод по Узбою: местоположение крепости позволяет предполагать, что она контролировала не сухопутный, а водный путь. Причиной такого прорыва вод мог явиться упадок античной ирригации в это время.

³⁶ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., СВ, 1955, № 6, стр. 109—110.

Большой интерес представляют раскопки караван-сараяв Ак-Яйла (X — начало XIII в.) и Талайхан-Ата (X—XIV вв.)³⁷. Оба эти караван-сарая представляют собой круглые сооружения из камня и жженого кирпича, с расположенными в центре кирпичными цистернами для воды. Водоснабжение караван-сараяв осуществлялось за счет атмосферной влаги, собиравшейся с окружающих такыров при помощи специальных водосборных желобов. Особенно существенным является тот факт, что эти сооружения расположены близ Узбоя и что караван-сарай Талайхан-Ата, действовавший и в послемонгольский период, в XIII—XIV вв., имел ту же систему водоснабжения. Это показывает, что после монгольского нашествия Узбой, как река, по-прежнему не существовал.

Для окончательного решения вопроса о хронологии Узбоя существенное значение имеют работы нашей экспедиции в Сарыкамышской впадине.

Начатое в 1952 г. исследование позднесредневековой ирригационной сети Сарыкамыша, осуществлявшееся в 1953—1954 гг. особым отрядом экспедиции с участием геоморфологов, позволило в основных чертах восстановить историю этой оригинальной ирригационной системы³⁸. Выяснению раннего этапа ее истории содействовали раскопки находящегося в юго-восточной части Сарыкамышской впадины раннесредневекового укрепления Зенги-баба, расположенного на абсолютной отметке 50 м. Исследование стратиграфии этой крепости, построенной хорезмшахами на рубеже XII и XIII вв. и запустевшей после монгольского нашествия, показало, что, если после монголов и произошло некоторое затопление Сарыкамыша, то оно не достигло того уровня, который необходим для образования стока в Узбой. Нижний, послемонгольский слой запустения Зенги-баба не имеет признаков затопления и связан с деятельностью эолового фактора. Более значительное заполнение Сарыкамыша водой произошло в конце XIV в., после разрушения Тимуром ирригационной системы Хорезма, в результате чего нерегулируемые человеком воды Аму-Дарьи съездили в Сарыкамыш не только по Дарьялыку, но и по всем старым руслам древней Сарыкамышской дельты, и подняли уровень озера до абсолютной отметки 50—52 м, что могло обусловить на рубеже XIV и XV вв. кратковременный прорыв вод в Узбой. Зенги-баба, вновь заселенная в XIV в., в конце этого века была вторично разрушена. На этот раз слой запустения имеет явные следы затопления озерными водами (озерная галька, колонии моллюска *Dreissensia*). На этом уровне озеро держалось очень недолго и на протяжении XV—XVI вв. колебалось между абсолютными отметками 10—15 и 20—30 м. К этому времени и относится постройка и функционирование ирригационных сооружений, использовавших воды Сарыкамыша. Вода поднималась на береговые террасы при помощи сложной и оригинальной системы глинобитных акведуков и водоподъемных сооружений. Для истории гидрографической сети Сарыкамыша представляют значительный интерес открытые нами древняя дельта Канга-Дарьи и позднесредневековый каньон Даудан.

Исторические данные позволяют предполагать, что сарыкамышская ирригация была создана туркменским племенем адаклы-хызыр, обитавшим, по данным историка XVII в. Абульгази, в этом районе. Материал, собранный Туркменским этнографическим отрядом нашей экспедиции у потомков этого племени — современных туркмен хызыр-эли в Чарджоу

³⁷ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1950, СА, XVIII, 1953, стр. 322—325; Его же, Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г., СА, XIX, 1954, стр. 250—253; Его же, Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г., ДИ, 1953, № 2, стр. 165—167; О. А. Вишневская, Развалины караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата, ТХЭ, II.

³⁸ С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко, История средневекового Сарыкамышского озера, «Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии», М., 1955, стр. 54—74.

ской области Туркмении, в Бухарской области Узбекистана и в южном Хорезме, подтверждает это предположение.

Добытые экспедицией материалы показывают, что в развитии литературной традиции о каспийском устье Аму-Дарьи в средние века, как и в древности, сталкиваются различные источники информации, восходящие к разному времени и по-разному понимаемые как средневековыми компиляторами, так и новейшими исследователями. Наши материалы позволяют установить, что «поворота Аму-Дарьи в Каспийское море» в XIII—XVI вв. не было. Был вызванный разрушением ирригационных сооружений Хорезма неоднократный прорыв излишка амударьинских вод в Сарыкамышскую котловину, причем, как указывалось, только один раз, после нашествия Тимура, на рубеже XIV и XV вв. на очень короткий срок уровень воды в Сарыкамыше достиг отметок, допускавших образование стока в Узбой.

В заключение мы не можем не остановиться кратко на характеристике результатов раскопок самого крупного памятника средневекового Хорезма — его столицы Куны-Ургенча. Раскопки были в основном сосредоточены на территории Таш-калы — квартала Куны-Ургенча, восстановленного после разгрома города Тимуром и существовавшего до XVII в., когда жители Старого Ургенча были переселены ханом-историком Абульгази в расположенный близ Хивы Новый Ургенч — современный центр Хорезмской области Узбекистана³⁹. На Таш-кале были заложены три больших раскопа — на городской стене, в районе южных ворот (так называемых «Ворот караван-сарая») и в районе предполагаемого местоположения рухнувшего на рубеже XIX и XX вв. минарета XI века.

Результаты раскопок ярко рисуют полную драматизма историю столицы Хорезма за последние семь столетий. Вскрыты основание построенного в 1011 г. минарета, сохранившееся вплоть до опоясывавшего его мраморного кольца, и остатки синхронной ему раннесредневековой мечети, основания стен, полы из жженого кирпича, пирамидальные каменные базы колонн. Как удалось выяснить, предположение о том, что раннесредневековый минарет стоял до конца XIX в., неверно: Чингис-хан разрушил и это сооружение. Минарет был восстановлен лишь в XIV в., примерно одновременно с постройкой сохранившегося до сих пор большого куны-ургенчского минарета Кутлуг-Тимура. Район минарета носит следы жестокой резни, которой завершилась героическая оборона Ургенча от полчищ Чингис-хана. Человеческие кости и черепа, а также обломки оружия убедительно говорят об этом. В XIV в. были восстановлены не только минарет, но и мечеть, получившая совершенно иной архитектурный облик. Двор мечети был украшен аркадами, опиравшимися на мощные кирпичные столбы. После вторичного разрушения мечети, связанного с нашествием Тимура, она была вновь восстановлена, но место пышных аркад заняли деревянные столбы, опирающиеся на грубо отесанные каменные базы.

Яркую картину того упадка, который переживала культура Хорезма в XV—XVII вв., дают также два южных раскопа, где был вскрыт ряд городских кварталов (рис. 22) с улицами, рынками, жилыми домами богатых купцов и бедных ремесленников. Характерно, что дома построены преимущественно из повторно употребленного кирпича XIII—XIV вв., на рыхлом глиняном растворе. Замечательная резьба по алебастру, характерная для XII—XIII вв. и сохранившаяся и в XIV в., сменяется грубым и

³⁹ С. П. Толстов, Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г., ВДИ, 1953, № 2, стр. 167—178; Н. Н. Вактурская, Раскопки городища Ургенч в 1952 г., ТХЭ, II.

бедным рисунком, наносившимся штампом. Черты упадка сказываются и в керамике. Исчезают характерные для XIV в. полуфаянсы.

Однако на протяжении всей позднесредневековой истории Ургенча ярко выступают черты широких международных связей, — особенно связей с Китаем, сказывающихся не только в распространении китайской системы отопления жилых помещений, но и в обильных находках китайской импортной керамики (рис. 23) и местных подражаний китайским образцам. Раскопки в Куня-Ургенче, как и исследование позднесредневековых памятников Узоя и Сарыкамыша, убедительно вскрывают перед нами мрачную

Рис. 22. Куня-Ургенч, вид раскопок

артину, созданную двукратным нашествием полчищ Чингис-хана и Тимура и связанным с ними новым периодом глубокой феодальной раздробленности — бесконечными феодальными войнами и набегами кочевников. Вместе с тем мы видим, как простые трудящиеся люди — земледельцы Сарыкамыша, ремесленники Старого Ургенча — в жестоких условиях бесконечной феодальной резни снова и снова совершали героические трудовые подвиги, восстанавливая старые и создавая новые ирригационные системы, восстанавливая из пепла города. Они сумели пронести через века и тысячелетия многие из лучших традиций античного Хорезма, вошедшие, как показали работы наших этнографов⁴⁰, в золотой фонд народной культуры современных обитателей Хорезма — узбеков, туркмен, каракалпаков.

* * *

Грандиозный музей истории культуры Хорезма, который представляют собой «земли древнего орошения», успешно осваиваемые сейчас народами

⁴⁰ См. ТХЭ I, нашу статью, стр. 13—15, рис. 1, 2, 3, и статью М. В. Сазоновой, стр. 293—295. См. также статью Т. А. Жданко «Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков», СЭ. 1955, № 4, стр. 62, 66—69.

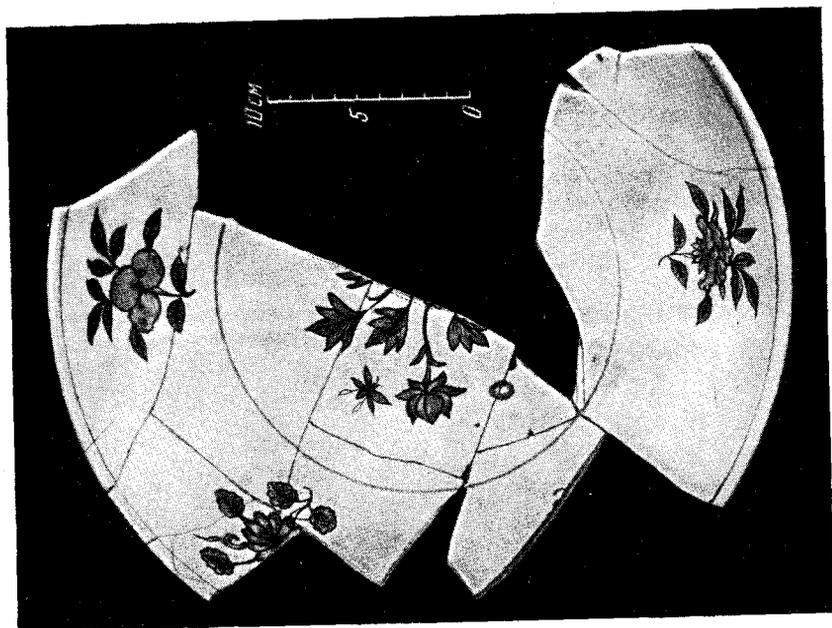
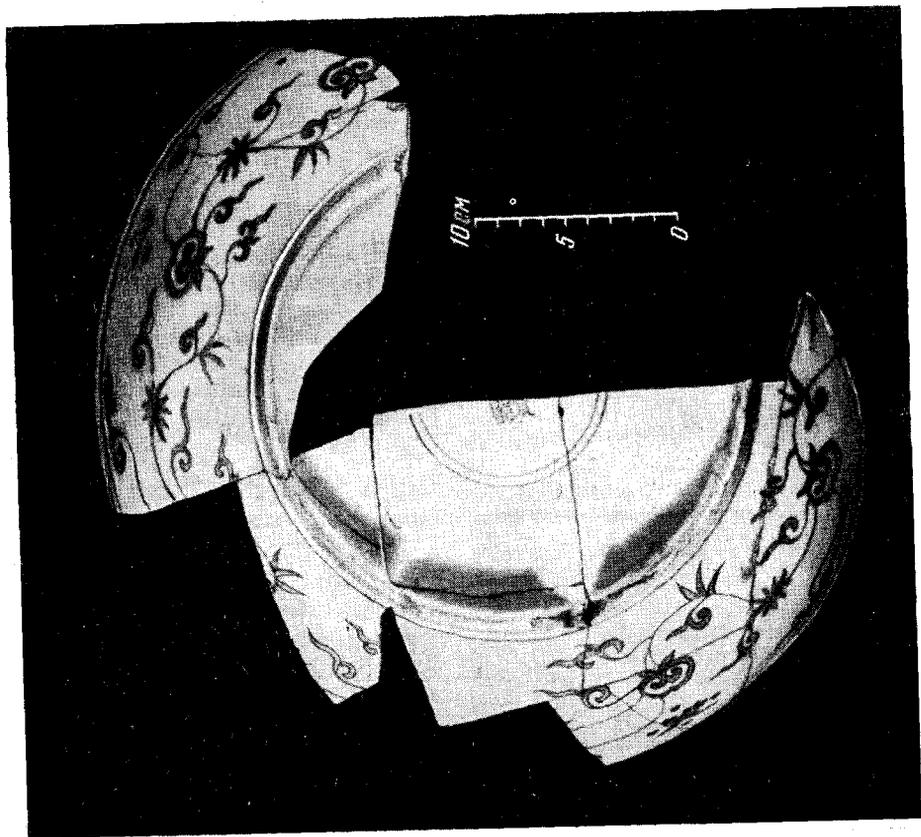

Рис. 23. Керамический фарфоровый чайник, найденный при раскопках в Куна-Ургече

цветущего Советского Хорезма — узбеками, туркменами, каракалпаками — на базе передовой техники, вместе с тем является суровым напоминанием о том, что несут людям бесконечные войны, порождаемые своекорыстными интересами борющихся между собой группировок господствующих классов. Все эти прекрасные памятники, созданные трудом человека, война превратила в «мертвые города», «мертвые селения», «мертвые оазисы». Когда, вернувшись с фронта второй мировой войны, я посмотрел новыми глазами на хорошо мне знакомые памятники, — я остро почувствовал, как близко эти древние развалины напоминают руины наших городов, разрушенных фашистами.

И если войны рабовладельческой и феодальной эпох создали такое страшное, хотя и величественное, кладбище, то что же может принести человечеству война, ужасными репетициями которой были Хиросима и Нагасаки? Потому так дороги строителям нового, социалистического Хорезма, как и всем простым людям мира, принципы Панча-Шила, принципы Бандунга, мирное сосуществование государств с различными социально-политическими системами, являющееся для народов мира, для них и их детей и внуков залогом мирного труда, призванного обеспечить прогрессивное развитие мировой культуры и создание таких великих культурных ценностей, которые оставят далеко позади то, что создали наши предки и чем мы обладаем сейчас.